

Памяти Дмитрия Сергеевича Чернавского

Г. Т. Гурия

ФГБУ «Гематологический научный центр» Минздрава России,
Россия, 125167, г. Москва, Зыковский Новый пр-д, д. 4а

E-mail: guria@blood.ru

Мое знакомство с Дмитрием Сергеевичем Чернавским началось с посещения руководимого им семинара, который проводился в теоротделе ФИАНа. Вероятно, это случилось в конце 1976 года или в начале 1977 года. От Бориса Белинцева я узнал, что, помимо общемосковского семинара по биофизике, которым руководил Михаил Владимирович Волькенштейн, по соседству с Институтом молекулярной биологии АН СССР, буквально в соседнем здании, на улице Вавилова 36, время от времени проводится другой семинар. Проходит он в теоротделе ФИАНа; чтобы попасть туда, надо было позвонить по телефону Жене Волкову и записаться. Собственно в день семинара надо было прийти в здание через проходную с улицы Вавилова, сдать портфель в камеру хранения и, предъявив паспорт, пройти на территорию института.

Сам теоротдел располагался на первом этаже одного из корпусов, вход в который с улицы даже по стандартам того времени выглядел прозаически буднично. Войдя с улицы, посетитель попадал на черную лестничную клетку. Зайдя на этаж, он сразу оказывался перед доской объявлений. Семинар Д. С. Чернавского проводился обычно по средам, примерно с 16:30 до того момента, пока заканчивался доклад и иссякали вопросы у наиболее жарких полемистов.

Впервые я видел семинар, на котором докладчика могли перебивать по ходу доклада, не дожидаясь его завершения. При этом руководитель семинара, Д. С. Чернавский, с моей точки зрения, не просто занимал «либеральную» позицию «невмешательства» в накаляющуюся время от времени температуру дискуссии, но и сам был не против дополнительно заострить отдельные тезисы и аргументы каждой из сторон.

Признаться, я никогда не мог подумать, что руководитель какого-либо семинара, как сейчас принято говорить «в реальном времени», в состоянии стимулировать дискуссию. Если же принять во внимание, что и разовые участники семинара время от времени задавали докладчику, да и самому Д. С. Чернавскому, вопросы, что называется, не в бровь, а в глаз, то не раз приходилось наблюдать ситуацию, когда докладчик начинал «плыть» или «кружить» на одном месте, как танк с подбитой гусеницей.

В ряде таких ситуаций внезапно кто-то из зала говорил: «Да нет, у него все правильно! Просто надо переобозначить оси! Там на фазовой плоскости должно быть то-то и то-то!» Наступала полная тишина, после которой семинар вновь «взрывался»: «Ах да, точно-точно. Оси надо поменять!» Наука торжествовала, Дмитрий Сергеевич светился от счастья. Докладчик еще должен был сообразить, что же происходило в последнюю четверть часа, но сам он уже никого не интересовал. У «народа» произошло в мозгу «коллективное просветление». В те времена не принято было использовать модные ныне слова типа «катарсис», но ощущение того, что «мироздание устояло» и можно дальше жить, у всех появлялось.

Иногда потрясения в ходе семинара были столь сильными, что после него требовался еще час-другой на осмысление того, «что же это было». Я помню, как однажды, после доклада Б. Маломеда (аспиранта Я. Б. Зельдовича) и жаркой дискуссии после него мы с Борей Белинцевым и Мишей Лившицем вышли из ФИАНа, медленно-медленно, словно без сил, поплелись в ИМБ АН, поднялись на третий этаж, пришли к себе в теоретическую комнату № 323 и там еще часа два обсуждали произошедшее у нас на глазах. Надо сказать, что во многих случаях «цепляла» не только содержательная сторона выдвигаемых в ходе дискуссии положений, но и сама эмоциональная форма «нанесения ударов и парирования выпадов», быстрота реакции на неожиданные с виду вопросы и контраргументы.

Такого рода формат «открытой перепалки» никак не отвечал в то время моим представлениям о «приближении к истине». Никакой «непрерывной сходимости» не предусматривалось, круг умозрительных альтернатив казался необозримым, а усилия дискуссантов — пустыми хлопотами. И только со временем, после трех-пяти лет посещения семинара Д. С. Чернавского, мне стало казаться, что внешняя «хаотичность» в его организации имеет и свои плюсы. Она, как выяснилось, питает долговременные мысли и идеи, их постепенное созревание и внезапную «перколяцию».

Говоря сегодня о том далеком уже времени — середине 70-х, когда мне было чуть за двадцать, — кажется невероятным, что уже тогда я ясно отдавал себе отчет, каких огромных энергозатрат требовал каждый семинар от самого Д. С. Чернавского. Никаких слайдов и компьютеров не было. Была доска и был мел. И сколько раз выходил к доске Д. С. Чернавский, нельзя было предугадать. Казалось, что он от нее и не отходил. Иногда сам писал, иногда быстро проходил под портретом И. Е. Тамма, висевшим над доской, на другую сторону от доски, менял дислокацию в пространстве и при этом иногда и «угол атаки». Ни тогда, ни потом ничего похожего по азарту и темпераменту в исполнении руководителей научных семинаров я не видел.

При этом «в краткосрочном плане» меня сами доводы Д. С. в ряде случаев не вполне удовлетворяли. По первому впечатлению казалось, что отсутствие или явный недостаток рациональных аргументов руководитель семинара стремится компенсировать эмоциональными средствами. То есть средствами, вообще говоря, посторонними, с логикой обсуждаемого предмета прямо никак не связанными, а потому неубедительными.

Если бы тогда мне кто-либо сказал, что через каких-то двадцать–тридцать лет я сам буду в поисках мотивации дальнейших шагов искать продолжения, отвечающие эстетическим идеалам, то я бы не поверил. Настолько «твердая почва физиков» казалось не просто более предпочтительной, а единственно возможной.

То обстоятельство, что любой набор имеющихся в наличии фактов может быть недостаточным для «полного разрешения» конкретной проблемы, в общем виде не отвергалось, но, как теперь понятно, значимость «частных» продвижений в поисках решения проблемы и роль «посторонних с виду, эвристических» допущений и гипотез тогда сильно недооценивались мной. И только длительное общение с Д. С. Чернавским и некоторыми врачами Гематологического научного центра позволило открыть для себя не только прелесть «частных истин», но и их смысловую глубину и содержательность, в особенности по отношению к «сложным» медико-биологическим системам. Оказывается, что иногда хоть что-то твердо знать о таких системах бывает достаточно для эффективного управления ими. В частности, это позволяет избежать лишних «телодвижений», анализов и учета маловероятных рисков. А сужение меры неопределенности само по себе может служить навигационным целям.

Конечно, эстетический идеал небесной механики, да и «строгой» математики тоже, подразумевает, что наивысшая форма знания должна отвечать требованию о собственной полноте. И в этом смысле Д. С. Чернавский был тем, кто сознательно и бессознательно, самим фактом своего существования, разрушал в моем восприятии «чистой науки» этот эстетический идеал. Именно благодаря ему я впервые стал задумываться о том, где тот «предел возможного», того, что в принципе можно было бы «выжать» из конкретных проблемных ситуаций физико-математическими средствами. Конечно, до восприятия математики «как метафоры» было еще

далеко, но в начале пути поиска пусть несовершенных «выразительных средств», для своего рода биофизического импрессионизма, безусловно, роль Д. С. Чернавского была велика.

Всякий раз, когда он «крупными мазками» представлял в начале очередного семинара приглашенного докладчика, казалось, что он или слабо знает, или совсем не знает деталей, а иногда и основной сути предмета, или намеренно говорит «далеко вокруг» темы. Однако по мере развертывания событий и вынесения докладчиком на суд публики первого же тезиса, посылки или утверждения становилось ясно, что Чернавский «совсем не прост». Задаваемые им вопросы, как снаряды, начинали ложиться прямо «в лузу», без какого либо рассеяния. Косвенно это говорило о том, что он не только знал, «откуда ноги растут» в этой теме, но и ясно понимал природу трудностей, в том числе трудностей математического моделирования.

Для тех, кто часто ходил на семинар Дмитрия Сергеевича, не было секретом, что многие физики, химики, не говоря уж о математиках, стремились к математическому описанию биологических процессов в духе тех традиций, которые широко приняты в естествознании. Коротко говоря, такого рода подходы предполагали возможность построения непротиворечивого описания какой-либо системы, основанного на ряде аксиоматически принимаемых допущений. При всей своей широкой распространенности в естествознании такой подход не мог не вызывать вопросов, так как в нем сочетались строгость в выборе основных понятий и корректность процедур преобразования, с одной стороны, с произвольностью применяемых без доказательства утверждений (аксиом), с другой.

Казалось, что в этом есть что-то «мальчишеское», когда справедливость одних положений никак не аргументируется (и уж тем более не верифицируется), в то время как в отношении других элементов той же системы все утверждения должны быть самым строгим образом обоснованы. Такого рода «черно-белая» строгость лежит в основании многих подходов к физико-химическим задачам. Особенно к задачам аналитической и небесной механики. Проблема, однако, состоит в том, что применительно к сложным биологическим системам этот подход «в лоб» не проходит. Уже само разделение на параметры и переменные применительно к такого рода системам в значительной степени условно (то есть обладает свойствами «градации серого», и 50 оттенков совсем не предел). Поэтому подходы к биологическим эволюционирующим системам, в том числе к системам, близким к катастрофам, с позиций «математической строгости» имеют, по мнению Д. С. Чернавского, крайне ограниченную ценность (главным образом в педагогических и назидательных целях). Другими словами, претендующий на количественное описание анализ (даже формально корректный) по своей эффективности может уступать анализу качественному, основанному на чисто феноменологических соображениях (ни одно из которых при этом может не иметь под собой количественного «строного» обоснования).

Нет нужды говорить, что число желающих оспорить точку зрения Д. С. Чернавского было во все времена велико. Можно предположить, что число таких людей было бы еще больше, если бы Дмитрий Сергеевич не работал в самом «логове теоретиков», в теоретическом отделе ФИАН. У меня нет оснований считать, что представления о «базовых» элементарных моделях, в том числе о моделях автоколебательных процессов в ряде химических и биологических систем, возникли у Д. С. Чернавского без какой-либо индукции со стороны И. Е. Тамма (руководителя теоретического отдела, создавшего для Дмитрия Сергеевича сектор биофизики). Напротив, я точно знаю, что И. Е. Тамм поддержал работы Дмитрия Сергеевича и коллег из Института биофизики АН СССР (включая А. М. Жаботинского). К слову, колебательная «биологическая» тематика и качественные модели автоколебаний нашли поддержку и со стороны Д. А. Франк-Каменецкого и некоторых других крупных ученых-физиков.

На мой взгляд, вклад Д. С. Чернавского в само формирование понятия минимально достаточной базовой модели очень велик. Конечно, круг феноменологических моделей невысокой размерности был известен и до работ Дмитрия Сергеевича. К их числу, безусловно, необходимо отнести модель нервной проводимости Ходжкина и Хаксли, модель ФитцХью–Нагумо, модель Лотки–Вольтерра и ряд других. Однако бросающийся в глаза их «переупрощенный характер»

делал эти модели в глазах многих ученых того времени чем-то малосерьезным, не заслуживающим не то что теоретического статуса, но и вообще статуса качественного прогностического инструмента.

При этом само использование феноменологических моделей невысокой размерности для целей биофизического анализа рассматривалось в ряде случаев ригористами как признак второсортности работы и умственной ограниченности ее автора. Жизнь показала, что в этом вопросе Д. С. Чернавский и его коллеги, Н. С. Степанова и Ю. М. Романовский, издавшие в 1975 году книгу «Математическое моделирование в биофизике», были на все сто процентов правы. Продуктивность подходов, основанных на построении базовых феноменологических моделей, с тех пор себя многократно подтвердила.

Более того, сегодня в мире подходы, претендующие на полноту описания биологических и медицинских систем, стали вызывать настороженность. Прежде всего из-за содержащихся в них неоправданно широких перечней принимаемых без доказательства явных и неявных допущений, не поддающихся в принципе проверке. Можно сказать, что такого рода неизменные модели не углубляют понимания рассматриваемых систем, а позволяют в псевдоматематической стилистике аранжировать и декорировать полученные экспериментальным путем частные результаты. В ряде случаев и результаты не воспроизводятся. Это большая тема, но рамки данной статьи не позволяют мне уходить от основной линии. Линии, «штрих-пунктиром» проходящей через все научное творчество Д. С. Чернавского. Путь, намеченный всередине 60-х годов им и его ближайшими коллегами при трактовке сложных биофизических, а потом и социоинформационных и экосоциальных явлений, лежит через построение и последующее использование базовых моделей.

Надо сказать, что сама идея использовать модели невысокой размерности для описания критических явлений в социуме, насколько я знаю, витала в воздухе давно. В широкий обиход она вошла после выхода в свет книги Г. Хакена «Синергетика» (Немецкое издание 1978 г.). Хакен прямо указывал, что выделение в социальных системах критических мод и формулировка требований к их амплитудам как к «параметрам порядка» в окрестности критических точек делают, в случае общего положения, описание трансформирующихся систем не только конечномерным, но и низкоразмерным.

От этого один шаг до понимания того, что классификацию социальных кризисов естественно строить с позиции теории катастроф. Кроме мягких и жестких бифуркаций, это в принципе могло бы дать возможность исследовать и другие сценарии потери устойчивости социоэкономических систем, в частности, сопровождающиеся их переходом к хаосу. Поэтому неудивительно, что с конца семидесятых в самых разных кругах общества можно слышать разговоры о самоорганизации через неустойчивость, о «невидимой руке рынка» и т. д.

Как-то незаметно лозунги теории самоорганизации овладели умами научной общественности и, что еще более серьезно, умами членов экспертного сообщества, умами разных спичрайтеров. Не хочется оправдываться, но я сам, как показала жизнь, сильно недооценивал опасность использования теории самоорганизации на практике. Мне казалось, что суетные социологи и псевдоэкономисты из разных слоев партийного аппарата, не владеющие ни на каком сколько-нибудь разумном уровне методами теории бифуркаций и катастроф, не смогут «построиться клином» и критическим образом дестабилизировать существующую на конец 80-х общественно-политическую систему в стране. А вот Д. С. Чернавский так не думал. По-видимому, он одним из первых специалистов понял, что с виду жалкий лепет о самоорганизации, исходящий из уст представителей общественных наук и разных «кооператоров без мотора», стал сливаться с какими-то глубокими тектоническими процессами в обществе.

В конце 80-х мне доводилось довольно часто видеться с Д. С. Чернавским. Он приезжал на кафедру биофизики биофака МГУ, где я в то время работал, для чтения лекций. Теперь понятно, что это было время своего рода «критического замедления» при фазовой трансформации общества. По крайней мере, интеллигенция вся «бродила», миллионными тиражами издавались журналы «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Москва».

Естественно, этот круг вопросов обсуждался на кафедре с Д. С. Чернавским. Всем казалось, что снятие ограничений идеологического порядка само собой способно открыть новые степени свободы развития общества. У меня в то время было ощущение, что все вокруг знают математическую теорию катастроф и теорию процессов самоорганизации во всех ее ответвлениях, от Г. Хакена, И. Пригожина и до М. Эйгена. Сам же я испытывал известный дискомфорт от того, что известные мне методы «локальной теории бифуркаций» (она же теория особенностей гладких отображений) были далеки от всеохватности. Позволяя в принципе отслеживать пределы устойчивости простых динамических систем, они, вообще говоря, не всегда способны были предсказывать, что будет после самой потери системой устойчивости, то есть в какое именно состояние система перейдет: в состояние с большей структурной упорядоченностью или в состояние полного хаоса.

В некоторых своих ответвлениях теория позволяла качественно проследить околокритическое поведение, в частности при анализе квазигармонических критических гармоник. Однако никаких теоретических заготовок не было для случаев развития всякого рода трещин. Собственно, никакой общей теории хрупких систем, по сути, не существовало. Ни механизмы рождения трещин в социальной среде, ни механизмы массового растрескивания общества не были известны. Ни на количественном, ни даже на качественном уровне.

Наши практически еженедельные разговоры с Д. С. Чернавским на эти темы, проходившие как тет-а-тет, так и в присутствии других сотрудников кафедры в период с 1988 по ноябрь 1989 года, убеждали меня, что и у него никакого «секретного» средства прогнозирования нет. Однако, в отличие от меня, отсутствие математического аппарата его не сильно пугало или настораживало. Напротив, мне казалось совершенно необходимым иметь что-то «за пазухой». Мне нужен был навигационный инструмент для хотя бы грубого прогнозирования ситуации. Казалось важным найти хоть какие-нибудь индикативные показатели, имеющие прогностическое значение.

Дмитрий Сергеевич меня в этом стремлении утешал: «Ну что ты так волнуешься? Все показатели статистические у нас в стране враные». Настоящих данных ни у кого нет. Да и взять их неоткуда. Мне же его стоическое спокойствие казалось какой-то непозволительной роскошью. Для людей, кто хоть что-то понимал в неустойчивостях сложных систем, казалось очевидным, что страна идет к опасному рубежу, если не катится в пропасть, и все может вот-вот пойти по самому жесткому сценарию.

Иными словами, «все черты исторической закономерности» и самого процесса трансформации общества были вполне поняты. А вот какое место надлежит занять каждому из нас в предстоящих процессах, оставалось не ясным. У меня, в отличие от Д. С., был большой скепсис в отношении того, что кому-то из либеральных «демократизаторов» методы теории катастроф могут понадобиться на каком-то более глубоком, чем лингвистическо-«трепологическом», уровне. Дмитрий Сергеевич был более оптимистичен. Он считал, что «влиять всегда можно», было бы желание.

Надо сказать, что в 90-е годы не только Академия наук, но и теоретический отдел ФИАНа бурлили и были охвачены далеко не научными страстями. Достаточно сказать, что кабинет А. Д. Сахарова был прямо по соседству с кабинетом Д. С., но и, помимо А. Д. Сахарова, в теоретическом отделе были сотрудники, выбравшие политическое поприще, участвовавшие в выборах депутатов разных советов. Они-то точно всё знали и не имели никаких колебаний. В отличие от них у Д. С. были вопросы, в том числе и вопросы о том, что будет «потом, после катастрофы», и о том, кто кого и куда поведет. 1991 год выдался бурным, и мы подолгу не виделись.

Встретиться вновь довелось в конце февраля 1992 года при довольно грустных обстоятельствах, в связи с кончиной моего научного руководителя, а его многолетнего соавтора, Михаила Владимировича Волькенштейна. Наступала новая эра, а «туман все сгущался и сгущался». Летом 1992 года у нас была возможность несколько дней неторопливо общаться в Дортмунде, после большой конференции в Хердеке, которую проводил Бенно Хесс, многолетний вице-президент немецкого общества Макса Планка и большой друг Д. С.

После окончания конференции, на которой было более 250 человек участников со всех стран, Дмитрий Сергеевич задержался на пару недель в Дортмунде для чтения лекций в Институте молекулярной физиологии, а я там был с кратким месячным визитом в качестве *visiting scientist*. Жил я прямо на территории института, в домике, называвшемся «домик детей профессора Бенно Хесса», бывшего директора. Дмитрий Сергеевич, по-видимому, жил в отеле по соседству. А встречались мы почти ежедневно на кухне-столовой для приглашенных гостей на втором этаже основного здания.

Надо сказать, что в тихой и спокойной Германии, чуть более года назад объединившийся, мы говорили только о науке. Он мне рассказал много интересного об истории создания института, о работе Бенно Хесса в Америке у Чанса, о том, как сложилась дальнейшая научная судьба некоторых из сотрудников, работавших здесь. Как-то само собой вышли на тему о роли необратимости в диссипативных системах. Буквально за неделю до этого Илья Пригожин прочел в Уне для участников конференции свою программную лекцию о «стреле времени».

Дмитрий Сергеевич как-то походя заметил, что И. Пригожин, по его мнению, «мелко плавает» и не знает, от чего «Больцман застрелился». Я откликнулся, что тоже не знаю, но уверен, что все попытки «дать кинетическое обоснование термодинамическим законам» — дело безнадежное. Он спросил, откуда у меня такая уверенность. Я опешил и, решив не ходить кругами, указал на последнюю главу его книги с Ю. Романовским и Н. Степановой, которую он, судя по всему, не дал себе труда внимательно прочитать. Тут уже настала очередь Д. С. воскликнуть от удивления: «Прости, Гера, а кто, по-твоему, эту главу написал?» Я предположил, что Ю. М. Романовский. Дмитрий Сергеевич, возразил: «Позволь тебе заметить, что эту главу от начала и до конца писал я!»

Моему удивлению не было предела. Я мог представить себе Д. С. делающим простые оценки, сопоставляющим относительные вклады разных нелинейных процессов и т. д., но совершенно не мог вообразить, что он способен погружаться в глубокие и тонкие метафизические вопросы, в которых до него успели «наследить» классики и которые предпочитали обходить в своих учебниках такие не последние физики, как Л. Д. Ландау и Р. Фейнман.

Каково бы ни было мое удивление, но в ходе бесед по теме Д. С. проявил не только знание исторической подоплеки, но и тонкую глубоко прочувствованную погруженность в предмет. Он сразу показал, почему противоречие между обратимостью классической механики и необратимостью термодинамики не может быть снято формальными математическими и логическими средствами. Я, собственно, с ним в этом и не спорил. Вопрос был в том, какого рода дополнительная посылка или дополнительные послышки требуются. Неужели Н. Крылов, ученик В. А. Фока, перечислив около десятка такого рода условий корректной «сводимости» механики к термодинамике, был прав или его перечень еще не полон? На этот вопрос Чернавский мне заметил, что трогать этот «ящик Пандоры» весьма опасно. По его мнению, тема далека от исчерпания и любой шаг вперед был бы ценен.

Сегодня с высоты прожитых лет мне кажется, что тогда я упустил свой шанс извиниться перед Д. С. за то, что никаким боком не видел его в круге ученых, размышляющих о проблеме необратимости. Проблеме, как мне казалось, глобального характера. К ее обсуждению мы неоднократно возвращались потом в разных местах: в Калининграде, в Суздале, в Пущино, в Дубне, в Нижнем Новгороде и, само собой, в Москве. Дмитрий Сергеевич, нет слов, был хороший полемист. Мою собственную точку зрения на корень проблемы он считал любопытной, но не разделял душой. Вероятно, считал слабой, недостаточно убедительной для того, чтобы Больцман отказался стреляться.

Однако в результате наших дортмундских дискуссий мы с Д. С. по-человечески сблизились. Я стал лучше понимать и даже чувствовать его «акварельный» стиль построения «крупными мазками» цепочек правдоподобных умозаключений. А он, вероятно, увидел во мне далеко не пустого, как барабан, слушателя, способного на темпераментные и «кривые» с виду возражения. По крайней мере, после Дортмунда он при встречах стал меня спрашивать, что я думаю о том или другом событии. Раньше он и первую, и вторую часть анекдота всегда брался

рассказывать сам. Иногда мне стало казаться, что я настолько хорошо знаю стиль Д. С., что, даже опоздав на начало какой-либо его лекции, смогу воспроизвести ее «посылочную часть», то есть начало. Но вскоре я убедился, что Д. С. неистошим, а я ошибаюсь.

Наверно, неправильно столь подробным образом описывать научную проблематику и в какой-то мере научную методологию, которую сознательно или бессознательно (а потому органично) исповедовал Д. С., но мне почему-то кажется, что эту сторону творческой манеры мировосприятия Чернавского, как своеобразного мыслителя и нехарактерного для XX века ученого-исследователя, вряд ли кто-то еще сочтет нужным отметить.

Мне же представляется, что именно эта его особенная способность видеть мир открытыми глазами, вне рамок и клише, делает невозможным отнесение его к какой бы то ни было уже известной категории современных ученых. В нем было что-то вневременное, словно протуннелировавшее из глубокой античности, когда разбор апорий Зенона был еще элементом стандартного образования, а выделение субъекта и предиката в сложных силлогизмах ни у кого из образованных людей не вызывало трудностей.

Может быть, любовь Д. С. к всевозможным парадоксам и противоречиям тоже идет из глубин истории, как и его по-детски живое и радостное отношение к тем своим слушателям, кому на слух удавалось уловить суть обсуждаемого им противоречия. Он всегда и везде был готов поделиться с окружающими такого рода радостью. Надо ли говорить, что Дмитрий Сергеевич всегда на научных конференциях был желанным гостем, забойным докладчиком и центром всех застолий и банкетов.

Однако однажды нам с Дмитрием Сергеевичем довелось попасть на конференцию, где все вышло по-другому. Речь идет о конференции памяти М. В. Волькенштейна, проводившейся в Светлогорске, пригороде Калининграда (Балтийского), в конце сентября – начале октября 1993 года. Уже когда мы уезжали из Москвы, 28 сентября, было известно о каких-то трениях между Верховным советом, Президентом и Конституционным Судом.

В те годы это было обычная вещь. Представители всех мыслимых выборных органов и ветвей власти непрерывно о чем-то спорили и препирались. По телевизору в прямом эфире с утра и до вечера транслировались всевозможные заседания. Иногда можно было в одно и то же время на разных каналах наблюдать заседания разных советов. Чаще всего это были уже набившие оскомину скучноватые действия, напоминающие мыльные оперы. Однако, оказавшись с Дмитрием Сергеевичем в Светлогорске, мы увидели, что телевизионная картинка поменялась. Стали не только звучать риторические фигуры речи, но и появилась информация о колоннах протестующих людей на улицах.

Все это стало у нас вызывать понятное беспокойство за судьбу оставленных в Москве родных и близких. Было понятно, что кризис власти в стране вышел на новый уровень. А так как динамика событий менялась буквально по часам, то в каждый кофе-брейк между научными заседаниями мы узнавали что-то новое и тревожное.

Волнение среди участников конференции продолжалось день ото дня нарастать, так как становилось ясно, что развязка близка. Дмитрий Сергеевич практически не отходил от телевизора, по которому пошли кадры репортеров CNN. С его слов я понял, что это плохой знак, свидетельствующий о непосредственной вовлеченности во внутренний гражданский конфликт внешних сил. С точки зрения Дмитрия Сергеевича, это означало, что «трансформирующаяся система перестала быть автономной», а индукция извне способна влиять на развитие критических явлений. А поскольку пресловутая «гайдарономика» и «шоковая терапия» была у всех перед глазами и никто не скрывал в то время, что во всех финансово-экономических учреждениях уже сидели советники «оттуда», то это не могло сулить ничего хорошего.

Советники — люди временные, у них есть дедлайны — контрольные точки реализации оргмероприятий. Поэтому Дмитрию Сергеевичу стало понятно, что не только чисто экономическая, но и политическая «часть надстройки» должны вот-вот пойти под «управляемый снос». Собственно, долго ждать не пришлось, 2–3 октября маятник покачался в разные стороны, а 4 октября танки стали лупить по зданию Парламента.

CNN красочно смаковала детали попаданий снарядов. Дикторы на всех языках мира доносили до зрителей «общую гуманитарную идею» происходящих событий. Передовая «интеллигенция» опубликовала по горячим следам известное письмо 42-х. В телевизоре, захлебываясь от умиления, лихорадочно вещали «говорящие головы». Д. С. был грустен. Ему были понятны общие контуры будущей «демократизации и либерализации общества». В считанные дни стало ясно, что дальнейшее «просвещение» будет внедряться в головы граждан «старыми дедовскими методами». В каком-то смысле круг замкнулся. Но не совсем — «скрипач был не нужен».

После того как «мастера культуры» в глазах «менее культурных обывателей» столь низко пали, у них исчезла «своя ниша» вне административно-властных структур. Д. С. прямо предсказывал агонию так называемых «творческих союзов», их «литературных органов» и всей этой тусовки. На мои опасения, что «выгорание» этой страты не может не затронуть смежные с ней общественные слои, он парировал: «Какие именно «смежные»?» Я сказал — естественно-научные, скажем входящие в структуру РАН. Многие вынуждены будут уехать. «Ну что ж, пусть едут, кто хочет», — откликнулся Д. С.

К этой теме мы потом еще не раз возвращались. При этом он твердо верил, что ассоциированная с «компрадорской» публикой часть бывшей интеллигенции обречена на исчезновение, безотносительно к тому, уедет ли кто или останется. «Пена, рано или поздно, должна уйти», — говорил он. Признаюсь, что я не был столь оптимистичен. Пена всегда существует. Пенистых материалов и сред полным-полно. Одни пузыри уходят, другие приходят. Пена есть продукт волнения общества, как пена морская — продукт волнения моря.

Обладая тонким природным юмором, Д. С. любил меня подначивать: «Ты еще скажи, что надпись на кольце царя Соломона тоже неверна!» С этим трудно было спорить, но в какой мере нас обоих интересовали «термодинамически большие времена», когда «все пройдет» и останется в прошлом? Так или иначе, Д. С. всегда, сколько я его знал, смело (смелее меня) смотрел вперед — в будущее. Смотрел, я бы сказал, с историческим оптимизмом. Он верил, что неразрешимых для человека проблем нет! Просто для решения некоторых проблем время еще не пришло!!! Эх, если бы знать заранее, для чего «время уже пришло»...

Так, Д. С. считал, что уже в середине 90-х пора пытаться строить модели социодинамики. У меня же была стойкая неприязнь к людям социоэкономического круга, которые стремились если не сказать «новое слово в экономической науке», то как-то приободрить и декоративно, «по-научному» оттенить «великий вклад» наших горе-реформаторов. Д. С. шутя говорил: «А ты думаешь, с врачами иметь дело лучше или проще?» От открытых споров я уходил, хотя был уверен тогда и верю сейчас, что среди врачей есть люди от Бога, способные в интересах пациента горы свернуть. А вот в отношении политэкономистов у меня никогда такой уверенности не было. Все эти «экономика должна быть экономной» еще не выветрились из памяти моего поколения.

Но надо сказать, что Д. С. никогда не корил меня за «естественно-научный снобизм». Напротив, он, когда уже стал известным в кругах социофутурологов и на ТВ, как-то сказал, что благодарен мне за то, что его первые контакты с содержательными людьми из экономического круга произошли в Суздале в 1995 году, по следам одной жаркой дискуссии, переходившей в полемику, в которой мне довелось участвовать. Детали уже вряд ли могут быть восстановлены; помню только, что два видных отечественных экономиста вынесли на суд публики доклад, в котором они, по моему мнению легкомысленно, утверждали, что в идеологической основе «гайдариномики» и всей шоковой терапии лежат идеи теории самоорганизации и синергетики.

По словам очевидцев, после доклада гостей из «мира чистогана» об их взглядах на идейные основы шоковой терапии я не оставил от их аргументации камня на камне. Д. С., как модератор этой дискуссии, еле-еле смог погасить пламя дискуссии и мою ярость. Видно было, что гости из мира псевдореформаторов были откровенно обескуражены. Д. С., как мог, их успокаивал. Как выяснилось потом, это событие и стало, с его слов, «началом их большой мужской дружбы».

Уверен, что не только «крупным» специалистам из Института экономики, но и многим другим «лицам, принимающим практические решения», контакты с Д. С. много что дали и были полезны. Мне не раз и не два приходилось от разных людей это слышать. Многие, кто исходно недооценивал важность бесед с Д. С., не раз потом восклицали: «Когда б мы знали, из какого сора рождаются стихи, не ведая стыда»...

С Дмитрием Сергеевичем можно было говорить на любые темы. Где-то в 2000 году в Академии государственной службы Сергей Павлович Курдюмов проводил конференцию с участием ряда иностранных гостей (Г. Хакена, В. Эбелинга и других), а Дмитрий Сергеевич делал там доклад о природе нестабильности нашего общества, связанной, по его мнению, с «двугорбостью» распределения граждан по доходам. Экономические данные и собственные «нелинейные соображения», приводимые Д. С., вызвали заметный резонанс в кругу участников конференции. В кулуарах обсуждаемая тема непрерывно дрейфовала от «того, что происходит», в сторону «куда все идет». Дмитрий Сергеевич, как всегда, был полон энергии и оптимизма: «Кризис будет».

Как я понимаю, среди участников конференции были люди, кого главным образом интересовали собственно «инструментальные средства» измерения «общественной температуры» в околокризисных ситуациях. А также прогнозы на 3, 5 и 10 лет. Можно предположить, что обсуждения указанного круга проблем в конечном итоге привело Д. С. на ТВ, где в серии передач ему довелось отвечать на вопросы А. Г. Гордона. Должен сказать, что я не следил за телевизионными сюжетами, а сам Д. С. никогда со мной «историческую тему» не обсуждал.

Особенностью общения с Д. С. было то обстоятельство, что он, выступая где бы то ни было, привлекал к себе внимание большого числа людей. Поэтому «специальные нелинейные вопросы» обсуждать при всех можно было только в самых общих чертах. В этом смысле намного более глубокими были наши с ним кулуарные беседы во время конференций. Особенно содержательны были застольные беседы, когда пища духовная дополняла пищу повседневную. Если не ошибаюсь, в 2012 году в Нижнем Новгороде проводилась очередная школа по нелинейным волнам. На моей памяти это был первый случай, когда докладчики были отделены в столовой от основной массы слушателей школы, а, кроме того, рассадка участников за столами в столовой была фиксированной.

Провидению было угодно, чтобы целую неделю за завтраком, обедом и ужином за одним столом собиралось четверо: Д. С. Чернавский, Ю. М. Романовский, К. В. Анохин и я. Как всегда, помимо чисто светских разговоров о погоде, затрагивались и другие темы. Поскольку Ю. М. Романовский и Д. С. Чернавский были соавторами ряда книг, часть бесед касалась издательских вопросов, в том числе вопросов переиздания книг в новых редакциях. Как я понял, Д. С. не горел энтузиазмом заниматься переизданием. У него была масса новых планов.

Зашла речь о проблемах аутодиагностики в медицине. Д. С. был удивлен, что я прочел с карандашом в руках вышедшую под его редакцией книгу 2004 года «Распознавание. Аутодиагностика. Мышление» издательства «Радиотехника». Мы довольно живо обменивались мнениями, и, как это часто бывало, в ответ на мои «перпендикулярные замечания» он, вскинув брови, говорил: «Ты действительно так думаешь?» И после небольшой паузы добавлял: «А знаешь, я, пожалуй, с тобой соглашусь».

Само собой, речь зашла и о том, почему я столь пристрастен к этой книге. Пришлось мне «раскрыться». Дело в том, что в книге речь идет не о чисто академических, а о прикладных вопросах. Причем по некоторым из них выводы авторов выглядят далекими от принятых в соответствующих медицинских руководствах. Короче, буквальное прочтение заставляет вновь задуматься о методологии анализа автореферентных систем. Д. С. сразу согласился, что охваченные петлями аутодиагностические системы, конечно, не могут трактоваться в рамках формальной логики. Заметив при этом, что это не повод для пессимизма, так как, если есть время, можно многого достичь итеративными средствами (путем последовательных приближений). Однако необходимого времени для аутодиагностики может не быть, и тогда только шаманский бубен и «идущая от самого сердца молитва» могут рассматриваться в качестве практических инструментов прогнозирования.

Дмитрий Сергеевич несколько раз «поддевал» меня в связи с моим неполным и, сверх того, скептическим отношением к его динамической теории информации. Само собой, я книгу Д. С. «Синергетика и информация» читал, но углубляться в тему не считал возможным. Со своей стороны, Д. С. чувствовал, что сам я не склонен обсуждать чувствительные вопросы, затронутые в его книге, и не давил на меня.

Слов нет, книга любопытная, и в ней число поднимаемых открытых или «вновь переоткрываемых» вопросов больше, чем число закрываемых. Вероятно, и с помощью шока можно будить сознание. Но для себя же я решил, что до этой книги я еще не дорос, подобно тому как не дорос до восприятия музыки А. Г. Шнитке и С. А. Губайдулиной.

Вероятно, у каждого человека что-то остается вне его понимания, в этом смысле и динамическая теория информации для меня остается чистой академической наукой, недоступной рациональному пониманию, воспринимаемой чисто на эмоциональном уровне. Много раз, слушая логические доводы Д. С. в пользу того или иного положения, я не мог избавиться от чувства, что на каком-то аксиоматическом уровне я уже с самими исходными посылками не был согласен. В этом смысле Д. С. был «широк» и не боялся парадоксов. Его отношение к слушателям и собеседникам было всегда корректным и, я бы сказал, мудрым. С того момента, как он чувствовал «образовательную и интеллектуальную планку» собеседника, он прекращал требовать от него невозможного.

Конечно, было большим счастьем иметь возможность общаться с Д. С. долгие годы, чувствовать его неиссякаемый энтузиазм и устремленность в будущее. Мне, как и многим другим, будет остро не хватать общения с Дмитрием Сергеевичем. От нас ушел совершенно замечательный человек, каким-то чудом протуннелировавший в наше время из эпохи Ренессанса или из еще более ранней эпохи, когда дивергенция наук еще не произошла, а «небо уже успело отделиться от земли».

Георгий Гурия
Москва
Петровский парк
Гематологический научный центр
2017